

П р а в о

УДК 343.231

В.А. Середнев

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ – НЕОБХОДИМОСТЬ НАСТОЯЩЕГО ИЛИ ВОЗВРАТ К ПРОШЛОМУ?

В статье рассматриваются и анализируются основные причины объективного вменения в уголовном праве, среди которых выделяются как положительные, так и отрицательные стороны. Автор убежден, что в настоящее время нет возможности полностью отказаться от принципа объективного вменения, к которому нужно подходить дифференцированно. По определенной категории тяжких и особо тяжких преступлений (борьба с терроризмом, экстремизмом) для предотвращения их должен использоваться механизм «объективного вменения» как мера особо-превентивного характера в уголовном праве.

Ключевые слова: объективное вменение, субъективное вменение, вина, преступление, обстоятельства, подлежащие доказыванию, экстремизм, терроризм.

THE PRINCIPLE OF OBJECTIVE INTENTION IN CRIMINAL LAW, NEED FOR A REAL OR RETURN TO THE PAST?

The article discusses and analyzes the main reasons for objective imputation in criminal law, among which he identifies both positive and negative sides. The author is convinced that at present there is no possibility to completely abandon the principle of objective imputation, which must be approached in a differentiated manner. For a certain category of grave and especially grave crimes, for the prevention of which the mechanism of «objective imputation» (the fight against terrorism, extremism) should be used, as measures of a special preventive nature in criminal law.

Key words: objective imputation, subjective imputation, guilt, crime, circumstances to be proved, extremism, terrorism.

Следует отметить, что в отечественном уголовном законодательстве необходимо применение субъективного вменения, базирующегося на одном из основополагающих принципов уголовного права – принципе вины, который в свою очередь является необходимым признаком субъективной стороны состава преступления. Вина – это отношение лица к своим действиям и возможным наступлениям последствий в результате совершения деяния, которое характеризуется умыслом либо неосторожностью. То есть согласно ст. 5 УК РФ («принцип вины») лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные по-

следствия, в отношении которых установлена его вина. Даже сама терминология, используемая в уголовном праве, – предвидение, осознание, мотивы, воля, эмоции, – указывает на психологическую концепцию вины при совершении преступления как основания привлечения лица к уголовной ответственности [16].

Следует понимать, «вменение» – это процедура, в ходе которой лицу ставится в вину определенное деяние, само же понятие «вменение» пришло в отечественное законодательство из немецкой криминалистической науки. Поскольку данный термин заимствован из западной теории права, которое само по себе характеризуется доминированием частного над публичным (общественным), это одна из причин создания вида «состязательного» уголовного процесса, в котором индивидуум выдвигается над обществом, через религию западного мира «права и свободы человека», о чем мы неоднократно говорили в своих работах [12, 13, 15]. Тут лишь подчеркнем и напомним, что одним из основных признаков концепции «прав человека» является рассмотрение его в отрыве от национального законодательства, т.е. не как гражданина с полученными от государства правами и обязанностями, а как абстрактного человека. Сам же термин «вменение», по меткому выражению Ю.А. Язовских, «скорее вводит в заблуждение, чем раскрывает его содержание» [20]. В связи с этим следует заметить, что «акт вменения может быть истинным, а может быть ошибочным. Быть истинным или ошибочным – это логическое свойство суждения. Вменение представляет собой акт суждения, приписывающий конкретной внеправовой реальности нормативные признаки как принадлежащие самой этой реальности свойства (акт предикации)... Вменение мы рассматриваем как совокупность суждений, приписывающих реальным компонентам поведения соответствие предусмотренным в законе нормативным критериям, влияющим на определение правового статуса деятеля. На такое понимание вменения указывает сам смысл слова “вменять”, которое означает в одном аспекте “считать”, “признавать чем-либо”, “расценивать каким-либо образом”, в другом – “ставить на счет”, “засчитывать”, “зачислять”» [19].

«Субъективное вменение, – пишет О.С. Басенко, – применяется в большинстве стран с демократическим правовым режимом... реализуются такие основные принципы, как принцип презумпции невиновности, принцип законности, принцип справедливости» [3]. Логично будет указать, что если под субъективным вменением следует понимать наличие вины в форме умысла или неосторожности, то соответственно под объективным вменением необходимо понимать невиновное причинение вреда, на которое также указывается в ч.2 ст. 5 УК РФ, – объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается. Следовательно, российское уголовное законодательство запрещает объективное вменение, но, как верно замечает Р.Р. Галиакбаров, «на 100% исключить объективное вменение не удастся... наиболее часто на практике объективное вменение проявляется при совершении неосторожных преступлений (в том числе автотранспортных), преступлений с двойной формой вины, а иногда и при совершении умышленных преступлений» [5].

Кроме того, при расследовании уголовных дел в процессе доказывания «Неисследование какого-либо доказательства в совокупности с другими доказательствами в деле означает нарушение принципа оценки доказательств в их совокупности, что может привести к заблуждению, ошибочному выводу и даже судебной ошибке в силу того, что убеждение судьи в достоверности соответствующих фактических данных в данном случае заменяется предположением» [6]. Каждое обстоятельство, которое выявляется в процессе разрешения уголовного дела, должно быть аргументировано (подтверждено) совокупностью доказательств, понятной каждому участнику судебного разбирательства, изучающему приговор.

Таким образом «...речь может идти только об обоснованном внутреннем убеждении суда, о такой уверенности, которая вытекает из исследованных по делу доказательств, которыми можно ясно

выразить и показать, что убеждение суда действительно вытекает из них...» [4]. Кроме того, что у суда должно быть внутреннее убеждение относительно доказанности того или иного обстоятельства, он еще должен привести для сторон в судебном разбирательстве основания своего убеждения, материализовав его в приговоре, сделать его убедительным. То есть убеждение суда должно быть обоснованным, а обоснованность – проверяемой.

Гарантией обоснованности внутреннего убеждения должна являться позиция суда в тексте приговора, основанная на правилах логики познания доказательств. Например, место совершения преступления устанавливается при допросе свидетеля или потерпевшего, а также видеозаписью камеры наружного наблюдения (свидетель или потерпевший сообщает, что видел подсудимого в определенное время на месте совершения преступления, просмотр видеозаписи подтверждает эти показания). Но поскольку теория отвечает за истину, а практика – за результат, то соответственно практика в этом случае формируется несколько иначе.

Нужно особо подчеркнуть, что к объективному вменению, на наш взгляд, следует относить деяния, в которых не только не установлена вина, но и некоторые признаки объективной стороны преступления, относящиеся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию. Вот пример: «Спиридонов Л.Л. в неустановленное время, в срок до 27 сентября 2009 г., находясь около входа ИВС-1 при ОВД по г. Арзамасу Нижегородской области, расположенного в д. 12 А, ул. Владимирского, у неустановленного лица незаконно приобрел наркотические средства – героин и гашиш». Суд нарушил требование п.1 ч.1 ст. 73 УПК РФ, не установив приговором суда обстоятельства, подлежащие доказыванию во всех случаях и по всем уголовным делам: способ совершения вменяемого деяния, в нашем случае – время и способ его совершения [17].

Чтобы уйти от объективного вменения, на сегодняшний день правоприменитель больше, чем законодатель, предпринимает разнообразные попытки преодоления, используя толкования законодательства, его интерпретации, а также «законотворческие» приемы и результаты как практической деятельности в правоохранительной системе, так и опыт теоретических воззрений (к примеру, рассмотренное выше внутреннее убеждение), имеющихся у отечественных ученых в области уголовного и уголовно-процессуального права, – например, «разграничение преступлений как по признакам деяния, так и по вине; уточнение умысла, с указанием на цели и мотивы преступного поведения, о приготовлении к преступлению, покушении, соучастии, указания на умышленность этих видов преступной деятельности; конструирование составов неосторожных преступлений с четкой обрисовкой последствий и т.д.» [15].

Кроме всего прочего, следует отметить, что по уголовным делам «экстремистской направленности» обстоятельства, подлежащие доказыванию, а именно: время, место и способ, устанавливаются формально или вообще не устанавливаются. Так, из описательно-мотивировочной части приговора в отношении подсудимого В.В. Квачкова (бывшего полковника Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил РФ), обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30, ст. 279 УК РФ (приготовление к организации вооруженного мятежа); ч. 1 ст. 205-1 УК РФ (содействие террористической деятельности); ч. 2 ст. 222 УК РФ (незаконное хранение оружия), следователям удалось установить факт того, что в 2009 г. Квачков встречался с неустановленными в ходе предварительного расследования представителями оппозиционных сил в различных городах России (в каких конкретно – не установлено) и предлагал им принять участие в вооруженном мятеже, направленном на свержение Конституционного строя РФ. По мнению гособвинителя, Квачков подбирал специальных людей, которых в ходе следствия установить не представилось возможным, для участия в восстании. Он отправлял отобранных мужчин проходить военно-спортивную подготовку под руководством инструкторов, не установленных в ходе предварительного расследования.

Конечной целью деятельности В.В. Квачкова во главе движения «Народное ополчение имени Мина и Пожарского» (в настоящее время признано террористической организацией на территории России) [10] должен был стать захват политической власти в стране. Суд приговорил Квачкова к 13 годам в колонии строгого режима, с отбыванием наказания в Республике Мордовия РФ [1].

В отношении объективного вменения в уголовном праве Е.В. Епифанова верно отмечает, что «ранее принцип объективного вменения закреплялся в уголовно-правовых актах рабовладельческого, феодального и буржуазного периодов развития как зарубежного, так и российского права... объективное вменение – это пережиток классовости уголовного права» [7], при реализации которого низшие классы должны подчиняться и интересам и воле господствующего класса. Именно поэтому «...государство на законодательном уровне закрепило неприятие принципа объективного вменения, оно пытается преодолеть сложившуюся реальную картину наличия принципа объективного вменения в сфере правоприменения, однако приходится констатировать тот факт, что все предпринимаемые меры не способствуют получению желаемого результата на практике» [8].

Более того, указывая на объективное вменение, следует заметить: «Если ранее под ним понималось привлечение к ответственности ненадлежащего субъекта (т.е. лица, не имеющего отношения к преступлению), наряду с преступником или без него, то сейчас объективное вменение толкуется как привлечение к ответственности за невиновное причинение вреда лицу, деяние которого повлекло неблагоприятные последствия, которых оно, при проявлении должной осмотрительности и внимательности к своим поступкам, не могло и не должно было предвидеть» [8, с. 61]. А если это так, то, на наш взгляд, можно выделить две причины существования принципа объективного вменения в уголовном праве в настоящее время. На первую причину указывает Е.В. Епифанова: «объективное вменение, встречающееся на практике, является результатом отсутствия единой четко сформулированной уголовно-правовой политики. В настоящее время объективное вменение следует рассматривать как результат нарушения основных принципов уголовно-правовой политики, таких, как приоритетность прав человека, соответствия международным стандартам и т.д.» [7]. Второй более значимой причиной, по нашему мнению, является тот факт, что в 2002 г. был принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» [18], в котором, с одной стороны, определяются правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливается ответственность за ее осуществление. Но, с другой стороны, не дается четкого определения экстремизма. Нет четкого понятия экстремизма и в законодательстве РФ. В литературе можно встретить такое определение: экстремизм (от лат. *extremus* – крайний, чрезмерный) – приверженность крайним взглядам, методам действий (обычно в политике) [11, с. 1023]. Не совсем понятно, что в поведении следует относить к крайним взглядам и действиям? Например, состав убийства может быть простым (ч. 1 ст. 105 УК РФ), а может быть и «крайне радикальным» – убийство с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Но от этого само по себе убийство не становится экстремистской деятельностью. На наш взгляд, было бы правильно сказать, что экстремизм – это любая деятельность, которая, по мнению субъектов, осуществляющих обеспечение государственной безопасности, может угрожать или способствовать угрозе национальной безопасности государства. Поскольку лиц, занимающихся экстремистской деятельностью, необходимо выявлять на самой ранней стадии их деятельности, то, по всей видимости, проблематично установить объективную сторону их деяния, которое относится к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, либо вообще пытаться установить лиц на стадии подготовки к экстремистской деятельности. Именно отсюда появляются в приговорах в контексте обстоятельств, подлежащих доказыванию, фразы: «в неустановленное время; с неустановленными в ходе предварительного расследования лицами» и т.п. Думается, что при борьбе как с экстремизмом, так и с терроризмом объективное вменение выполняет роль некоей превенции и соответ-

ственно представляет собой целесообразность, исходящую из неписаного принципа всех спецслужб: «для обеспечения национальной безопасности все средства хороши».

Более того, особо заметим, что у принципа «объективного вменения» существует принцип-«близнец»: «незнание закона не освобождает от ответственности», но основным законом государства – Конституция РФ – данную обязанность для граждан не закрепляет.

Отметим, что объективное вменение, на наш взгляд, есть форма выражения такого понятия как целесообразность. В связи с этим необходимо согласиться, что «...ответственность за преступления наступает в независимости от того, в каком состоянии находилось лицо в момент совершения преступления. Никто не станет выяснять, что именно сознавал и желал человек в данное время, это и не требуется для признания его виновным. Важен сам факт совершения общественно опасного деяния... Потребность в привлечении лиц, совершающих преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, при отсутствии у них осознанности своих действий, всегда существовала. Однако говорить о том, что в данном случае реализация мер уголовной репрессии осуществляется на основе принципа субъективного вменения, было бы неверно. Безусловно, к ответственности такие лица должны привлекаться, но в ее основе при этом лежат начала целесообразности, а не субъективное вменение» [2, с. 16].

Какие видятся способы и пути исключения принципа объективного вменения и существуют ли они вообще? Искоренить объективное вменение в уголовном праве действительно очень сложно, в большинстве своем по причине того, что оно способствует (как бы странно и парадоксально это ни казалось) уходу от уголовной ответственности лиц, имеющих различные не только «элитно-коррупционные» связи, но и преступный опыт, знания права, что является подспорьем при уходе от уголовной ответственности. Например, при привлечении к уголовной ответственности сотрудников правоохранительных органов в обвинительном заключении следователь всегда указывает относительно лица, привлекаемого к ответственности: «Зная законодательство, пытается уйти от уголовной ответственности». Это соответственно оказывает огромное субъективное влияние на мнение суда при вынесении приговора. Вполне очевидно, что осудить лицо, имеющее юридическое образование, да при этом занимающееся практической деятельностью в соответствии с уровнем образования, куда легче, чем лицо, не имеющее юридического образования (хотя бы в том смысле, что не имеющему юридического образования веры в суде больше в контексте внутреннего убеждения судьи). То есть при полном элиминировании принципа объективного вменения будет, как отмечает А.И. Марцев: «торжествовать социальная справедливость, поскольку появится “отдушина” для уклонения от уголовной ответственности значительного числа лиц, совершивших преступление» [9].

Отметим, что «современный терроризм имеет признаки безграничности в вопросах восприятия его количественной меры, неиссякаемый универсальный характер... Так называемые демократические средства ведения войны против терроризма не принесут желаемого результата... В настоящее время эффективной и привилегированной формой террористического сообщества является так называемая сеть. Например, одна из самых известных ультрарадикальных международных террористических организаций ваххабитского направления ислама «Аль-Каида», или «ИГИЛ» («Исламское государство Ирака и Леванта»), признанная многими странами и международными организациями как террористическая, на самом деле не является организацией классического типа, так как они имеют разветвленные соединенные между собой террористические сети, которые основаны на подвижном объединении...» [14]. Поэтому в настоящее время нет возможности полностью отказаться от принципа объективного вменения, к которому нужно подходить дифференцированно, в зависимости от тяжести совершенного или готовящегося преступления и возможного наступления тяжких последствий, для предотвращения которых должен служить механизм «объективного вменения» (борьба с

терроризмом, экстремизмом) как меры *особо-превентивного* характера в уголовном праве. Сошлемся на авторитетное мнение начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России В.М. Бавсуна: «...объективное вменение, несмотря на его прямой запрет в УК РФ (ч. 2 ст. 5), на сегодняшний день не просто существует, на что уже неоднократно указывалось в современной юридической литературе, но и является абсолютно необходимым средством борьбы с преступностью. Речь в таких случаях, на наш взгляд, необходимо вести не о полном искоренении объективного вменения, что вряд ли возможно, а лишь о разработке четких критериев его применения, которые содержались бы непосредственно в уголовном законе» [2, с. 18].

1. Апелляционное определение Верховного суда РФ от 15.08.2013 № 45-АПУ13-34 Приговор: Осужденный-1 – по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ за содействие террористической деятельности, по ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов, осужденный-2 – по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ за содействие террористической деятельности, по ч. 2 ст. 222 УК РФ за незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов, осужденный-3 – по ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов. Определение. Приговор оставлен без изменения // <<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base>> (последнее посещение – 1 ноября.2018 г.).

2. Бавсун, М.В. Целесообразность объективного вменения // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2005. – № 2 (22). – С. 15-18.

3. Басенко, О.С. Соотношение субъективного и объективного вменения // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2018. – № 2 (18). – С.103-106.

4. Васяев, А.А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 472 с.

5. Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. – Саратов, 1997. – С. 96.

6. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Н.М. Кипнис, Ю.В. Корневский, Е.Ю. Львов, С.А. Насонов, С. Ринглер; под ред. В.А. Власихина. – М.: Юрист, 2000. – С. 9.

7. Епифанова, Е.В. Объективное вменение как реальность в современном уголовном праве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2007. – № 2. – С. 66-68.

8. Епифанова, Е.В., Недилько, Ю.В. Принцип объективного вменения в отечественном уголовном праве: эволюция толкования // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 59-62.

9. Марцев, А.И. Общие вопросы учения о преступлении. – Омск, 2000. – С. 38-39.

10. Решение № 3-0015/2015 от 18 февраля 2015 г. по делу № 3-0015/2015 // <<http://sudact.ru/regular/doc/0tKKP69Kr6g8/>> (последнее посещение – 12 сентября 2018 г.).

11. Российский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. – Т. 2. – 1832 с.

12. Середнев, В.А. К вопросу противостояния: идеология «прав человека» против идеологии «прав гражданина» // Философия права. – 2017. – № 4 (83). – С. 70-73.

13. Середнев, В.А. О необходимости денонсации культурно-аксиологического расизма в отношении России на примере понятия «прав человека» (этносоциологический аспект с позиции философии консервативного традиционализма) // Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2017. – С. 288-296.

14. Середнев, В.А. К вопросу «нового» видения сущности терроризма и личности террориста. Проблема «асимметрии» // Вопросы политической науки: материалы III Международной конференции (г. Казань, май 2017 г.). – Казань: Изд-во «Бук», 2017. – С. 35-56.

15. Середнев, В.А. Западный институт прав и свобод человека как угроза суверенитету и национальной безопасности государства // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – № 1 (21). – С. 38-43.

16. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: Часть Общая. Лекции. – М.: Юрайт, 1994. – Т. 1. – С. 152.

17. Уголовное дело № 1-1099/ 2011 // Архив Арзамасского городского суда Нижегородской области, 2011.

18. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – № 30. – Ст. 3031.

19. Ширяев, А.Ю. Феноменология вменения в уголовной юриспруденции // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 4. – С. 69-76.

20. Язовских, Ю.А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – С. 9.